

Александр Грин

Сказка о слепой рыбе

Александр Степанович Грин

Сказка о слепой рыбе

Аннотация

«В одном из подземных озер Западной Америки жили слепые рыбы. Они родились и выросли во мраке, так же, как отцы и матери их, как все их предки, кроме родоначальников этой породы. Когда-то, во времена седой рыбьей старины, несколько молодых, притких рыб, шмыгая по Теллурийскому водопаду, оборвались и, чудом оставшись живы, попали сквозь глубокую трещину в подземный ручей. Ручей этот привел ошарашенных рыб к тому самому подземному озеру, с которого мы начинаем рассказ...»

Книга также выходила под названием «Струя».

Александр Грин

Сказка о слепой рыбе

В одном из подземных озер Западной Америки жили слепые рыбы. Они родились и выросли во мраке, так же, как отцы и матери их, как все их предки, кроме родоначальников этой породы. Когда-то, во времена седой рыбеёй старины, несколько молодых, прытких рыб, шмыгая по Теллурийскому водопаду, оборвались и, чудом оставшись живы, попали сквозь глубокую трещину в подземный ручей. Ручей этот привел ошарашенных рыб к тому самому подземному озеру, с которого мы начинаем рассказ.

Рыбы живут долго. Через тридцать, сорок, а может быть, и сто сорок лет, – как можем мы знать это наверное? – невольные отшельницы совершенно ослепли. Ни малейшей искры света не проникало в глубину их черной воды, лишённой волны и ветра, течений и подводных растений. Глаза рыб разучились видеть. Они подернулись навсегда глухой белой пленкой; исчезло наконец и воспоминание о свете.

Когда-то, очень давно, в мрачные пещеры подземного озера спустилась компания натуралистов, исследователей горных пород, – и фотограф, снимая внутренность подземных пространств, зажег магний. Как молния белый свет ударил по засверкавшей воде, облил волнами искр сталактитовые колонны, обнажив даже выступы подводных камней,

но старички равнодушно пошевеливали хвостом, по-прежнему ничего не видя; вода была для них такой же черной, как в первый день достопамятного путешествия сквозь роковую подводную трещину.

От этих злосчастных рыб пошли новые поколения. Они были не только слепы, но и не подозревали, что такое свет, лучи, краски, блеск воды. Старики, в минуты душевной слабости, любили вспоминать обо всем этом, но сами, как сказано, будучи бессильными мысленно представить свет, на все вопросы детей, внуков и правнуков могли лишь упорно шамкать: «Говорят вам, что от света светло».

Самой молодой, самой любопытной и нервной в подземной компании была рыбка Струя. Ее прозвали так другие рыбы за быстроту и резвость ее подводного хода.

Жизнь казалась ей ужасным сном. Глубокая тишина стояла в пещере и озере. Изредка лишь раскрошившийся от сырости камень падал, возбуждая гулкое эхо, в неподвижную воду, заставляя ее вздрагивать. Вечная тьма висела проклятием над душой Струи. Она, правда, не имела ни малейшего понятия о свете, но думала, что должно же быть в мире нечто более радостное, чем черное большое «туда-сюда», в котором слышатся голоса рыб и чувствуется их то близкое, то далекое присутствие. Часто Струей овладевала тоска, тогда она бесцельно и долго путешествовала из пещеры в пещеру.

Другие рыбы относились к Струе, как к существу безнадежно безумному. Они обыкновенно стояли кучей, об-

суждая семейные дела, заводя никчемные споры, или спали до одурения.

Но вот заговорил вулкан «Бешеный Рот», сто лет дремавший неподалеку от подземного озера. Он загрохотал, затрясся, изрыгнул тучи дыма и пепла, залился огненной лавой и всколебал землю. Ее недра разверзлись. Осели и расползлись горы, взгорбились долины, реки изменили течение, и из подземных пещер хлынуло освобожденное озеро. Почти все население его погибло при этом. Струя только помнила, что ее подняло, завертело, помчало... она лишилась сознания, а очнувшись, почувствовала, что прежней жизни конец. Началось нечто изумительно новое.

Рыбку нашу силой перемещения воды забросило в небольшую реку, протекающую среди болот и степей.

Да, было чему изумиться!

Во-первых, почувствовала она, что должна удерживаться, работая плавниками, на месте, если не хочет бесполезно следовать движению текучей воды. Во-вторых, дышать здесь было невыразимо приятно, сквозь жабры проходила щедро насыщенная кислородом, нежно пахнувшая вода. Черное «туда-сюда» осталось, конечно, но стало неузнаваемым. Мягкое дно, гибкие, послушные толчкам водяные растения, плеск струи, шум ветра, запах береговых цветов, бодрые голоса стремительных рыб и еще множество разных звуков, никогда не слыханных, наполнили сердце Струи неизведанным восхищением.

Если бы она прозрела, то увидела бы яркий полдень зеленой степи и над собой – изумрудно сверкающий покров неба, блестящего сквозь желтоватую воду.

Струя ничего не видела. Она робко, в тихом молчаливом восхищении прижималась к осоке и старалась понять смысл чуда.

– Милочка, – сказала ей пробегающая форель, – ты откуда взялась?

– А где я? – ответила вопросом Струя.

– Как где? Понятно, в реке «Буль-буль».

– Не знаю, – сказала слепая. – Я жила раньше в нашем «туда-сюда», под землей. Ты кто?

– Посмотри хорошенько, невежа!

– «Посмотри». Я не могу посмотреть.

– Ба! Да ты слепая?! – сказала форель. – Совершенно удивительное событие. Как же так?

– Да так.

– Эй, эй, рыбы, идите сюда! Вот слепая из-под земли! – закричала форель.

На зов ее собралось много народа. Трудно описать общее удивление. Струю оглушали словами. Едва она успевала вставить слово, как весь хор любопытных созданий перебивал ее новыми вопросами о прошлом или же беспорядочными сведениями о реке «Буль-буль».

Только поздней ночью разошлось общество, оставив Струю взволнованной и печальной. Она ведь не могла все-

таки не понять, что рыбы, живущие в «Буль-буль», обладают неизвестным для нее чудесным даром, от которого хорошо. Дар этот они называют зрением. У кого он есть, тот может, не сходя с места, знать, что есть вокруг него. И еще что-то... Краски, оттенки... Голубое, желтое, белое... Да. Что-то разное.

У нее ничего этого не было.

Ей не спалось, и она грустно думала, что новый мир останется для нее, слепой, таким же темным и безотрадным, как воды пещер.

И она повторила слова, сказанные недавно форели:

– У нас там темно. Невесело у нас, плохо. Здесь мне тоже темно.

– Завидуешь? – спросил ее с берега ночной Гном, умевший читать мысли рыб и бабочек. Он занимался починкой сломанного колокольчика. Колокольчик охал и нервничал.

– Да замолчи ты, лиловая пустота! – вскричал Гном. – Дай же поговорить!

– Я не завидую, – сказала Струя. – Какой смысл завидовать? Ведь оттого, что этим рыбам хорошо смотрится, мне все равно лучше не станет. Нет, я рада, что есть такие, не похожие на меня рыбы, которые видят.

– Как? – сказал Гном. – Теперь восходит солнце. И не разбирает тебя злоба, что другие видят волшебные чудеса облаков, а ты тыкаешься головой в дно?

Струя пожала плавниками.

– Пусть другие будут другими, а я останусь, какова есть.

Как только она сказала это, Гном засмеялся, уронил с крошечного своего пальчика чудодейственное кольцо и хлопнул в ладоши.

Кольцо тронуло оба глаза Струи, и рыба прозрела.

Так начала жить в светлых водах рек красная и шаловливая рыбка форель-хариус, известная всем. Эту ее историю составил Гном, рукопись переписывал на машинке жук-водолаз и отправил в редакцию. Редактор было не поверил столь чудесной истории, но, наведя справку у свидетеля – Лилового колокольчика, убедился, что Гному, в серьезных случаях жизни, можно и должно верить.